

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Жена Жана

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Монгольское золото

Ульяна Соболева

Жена Хана

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Соболева У. П.

Жена Хана / У. П. Соболева — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Монгольское золото)

Если узнаю, что ты мне лжешь, Ангаахай, я раздеру голыми руками твою грудную клетку и сожру твое сердце. – прохрипел мне в волосы, а я сильнее прижалась к нему, и по мере того, как он все больше трясся, я переставала дрожать. И напрасно переставала. Мои круги ада только начинались. Быть невестой дьявола ничто по сравнению с тем, что ждет жену дьявола. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

Бог как раз тогда подстраивает встречу,

когда мы, в центре завершив дела,

уже бредём по пустырю с добычей,

навек уходя из этих мест,

чтоб больше никогда не возвращаться.

«По дороге на Скирос»

Мои воспоминания оборвались на том, как я вышла в темный коридор, чтобы отдышаться. Мне стало плохо в той удушающей атмосфере боли. Плохо от каждого удара, который обрушивался на Тамерлана, и от понимания, что со мной что-то не так. У меня все плывет перед глазами и дрожат колени. Не надо было ехать, не надо было стремиться жить его жизнью полностью. Я никогда ее не пойму, я никогда не смогу принять вот эту ее часть, где жестокость граничит с безумием, а человеческая жизнь не стоит и гроша. И перед глазами взлетающий кулак соперника Хана, обрушивающийся на голову моего мужа, врезающийся ему в грудь, и я вздрагиваю вместе с ним, чувствуя, как начинаю задыхаться и покрываться каплями холодного пота. Перед глазами двоится, и от слабости немеют кончики пальцев.

– Вам нехорошо? Я выведу вас на свежий воздух, – голос кого-то из охраны, довольно знакомый, и я даже не поднимаю голову, чтобы посмотреть, кто это. Да, мне надо на воздух. Меня тошнит от увиденного, и кажется, я способна выскочить на ринг и помешать этому бою.

Мне нужен глоток кислорода. Но вместо воздуха к моему рту прижимается какая-то тряпка, и я падаю в глубокую черную яму, из которой вынырну совсем не скоро, из которой вынырну уже в машине на переднем сиденье рядом с мужчиной в черной маске. Мои руки связаны, а рот закрыт кляпом. Я мычу и сопротивляюсь, дергаясь всем телом. Человек за рулем не обращает на меня внимание. Мне видны только его руки, он одет во все черное, и он всю дорогу молчит. Пока не зазвонил его сотовый. Он ответил не по-русски, а на монгольском. Я уже узнавала этот язык и даже различала некоторые слова. Машина выехала на трассу, за город, а мне становилось страшнее с каждой секундой.

Я не понимала – кто это и с какой целью меня похитили. Сердце колотилось в бешеном ритме, и я смотрела то на похитителя, то в лобовое стекло. Но когда машина остановилась, я от ужаса не могла пошевелиться. Мужчина грубо вытащил меня наружу, освободив от кляпа и развязав руки, и швырнул в мокрую от росы траву. Задыхаясь, я смотрела на черную маску, а на меня глаза из-под маски. Мне показалось, что сейчас он достанет пистолет и разнесет мне мозги. Ведь меня для этого выкрали. Чтобы убить. Иначе зачем им было это делать.

– Беги. Беги так далеко, как только сможешь. Иначе он найдет и убьет тебя. Поняла? Вернешься – Хан вывернет тебя наизнанку. Для него ты лживая, бл*дская шлюха. Он отдал приказ закопать тебя живьем. Здесь немного денег и паспорт. Если будешь умной – может, повезет, и выживешь, а он не найдет тебя.

Человек в маске швырнул в меня каким-то свертком, а я отрицательно качаю головой, отползая назад, не совсем понимая зачем все это. Зачем меня вышвырнули где-то в пригороде,

зачем весь этот странный спектакль. Я все еще глупенькая маленькая Верочка, которая тыкается, как слепой котенок, из угла в угол.

– Кто вы? Зачем вы это делаете?

– Ты же хотела на свободу? Давай беги. Добрые люди помогли тебе. А ослушаешься – пожалеешь. Тебя не пощадят! Убьют, как вонючую вшивую сучку!

Мужчина вернулся в машину и, резко сдав назад, выехал на дорогу, развернулся и с оглушительным визгом трущихся об асфальт покрышек понесся по трассе.

Моей первой мыслью было вскочить и действительно бежать. Ловить попутку, мчаться до первой остановки и нестись к маме Свете. Ведь я свободна. Жива, цела и совершенно свободна. Я даже схватила сверток, развернула – меня не обманули, там были деньги и паспорт с моей фотографией на другое имя. Какое-то время я лихорадочно думала. Кто-то в доме моего мужа устроил для меня побег. И я никогда не узнаю, с какой целью. В благородство людей я уже перестала верить. Одного раза хватило. Я все же быстро учусь. Значит, от меня хотели избавиться. Кто бы это не задумал, он все просчитал, и это мой единственный шанс спастись. Другого такого не будет никогда.

На секунду перед глазами возникло лицо Тамерлана, его взгляд, его полные сочные губы и волосы, упавшие на лоб, слегка влажные от пота. Сердце дрогнуло, и до боли захотелось дотронуться до этих волос руками, убрать со лба, провести кончиками пальцев по шрамам.

«Для него ты лживая, бл*дская илюха. Он отдал приказ закопать тебя живьем». И я почему-то не засомневалась ни на секунду – он мог отдать такой приказ, если узнал, что я сбежала. Нет... это иллюзия. Такой человек, как Хан, не умеет любить, не умеет отдавать сердце. Одно мое неверное движение, и он меня казнит так жестоко, как только можно себе представить.

Попутку я действительно поймала. Сердобольный дачник, возвращающийся с рыбалки со старой овчаркой, подобрал меня на остановке и подбросил на стареньких, потертых жигулях в город. Пока ехала и смотрела в окно сквозь тоненькие капельки моросящего дождя, меня трясло от предвкушения... от понимания, что я увижусь с мамой Светой, что я больше не под замком, не в золотой клетке, не под вечным конвоем в непрекращающейся борьбе за выживание. Денег в свертке хватит для того, чтобы уехать и переждать, пока ОН будет лютовать. Спрятаться так, чтобы не нашел. Уехать, может быть, в деревню к троюродной сестре мамы Светы. Туда даже автобусы не ходят, меня бы там сам черт не отыскал... а сердце сжимается, сдавливает от внезапно нахлынувшей волны страха – найдет, этот зверь способен найти меня где угодно. Из-под земли откопать, «или в нее закопать» – твердит внутренний голос.

Еще несколько часов назад я не думала о побеге, я смирилась со своей участью, я даже была согласна ее принять и начала привыкать к человеку, который насильно на мне женился. Я даже начала привязываться к нему... Я могла бы его полюбить... наверное. Пока вдруг не ощутила это головокружительное чувство – свобода. От которой забываешь обо всем, от которой даже не думается о последствиях. Увидеться с мамой и сделать все, чтобы Тамерлан Дугур-Намаев забыл обо мне.

Когда машина остановилась напротив подъезда, старичок протянул мне свою куртку.

– Если некуда идти – можно у меня остановиться. Может, подождать тебя?

– Спасибо. Мне есть где... Есть. Я дома.

Протянула ему деньги, но он не взял, укатил, оставив после себя клубок серого дыма.

С трепетом я поднималась по лестнице, тяжело дыша, предвкушая встречу, чувствуя, как бешено бьется сердце и подкатывают слезы, как немеют ноги и от счастья дух перехватывает. Представляю, как она обрадуется, как расплачется, как будет целовать меня, прижимать к себе, а потом кормить пирогами на кухне. Подошла к двери и вначале подумала, что ошиблась этажом, но потом увидела на стене знакомые, выцарапанные спичкой буквы и застыла у новой, вскрытой лаком двери. Протянула руку к звонку и, выдохнув, нажала кнопку. Звонила долго,

никто не открывал, и за дверью не слышалось такое до боли знакомое «Иду-иду, подождите!». Там вообще ничего не слышалось. Глухая тишина. Ни шороха. Я еще несколько раз позвонила, потом начала стучать.

Напротив распахнулась дверь, и я услышала старческий шепот.

– Верочка! Вера? Это ты? Ты, деточка? О Боже!

Обернулась к соседке, и та перекрестилась несколько раз. Баба Марфа, она дружила с мамой Светой. Постоянно на чай к нам вечером приходила.

– Бог ты мой, и правда, ты. Живая! Что ж это делается то, а? Идем. Идем в квартиру. Не звони туда. Он невменяемый. Собаку спустит на тебя. Там ни стыда, ни совести.

– Кто невменяемый?

– Хозяин новый. Уехал куда-то с мымрой своей и собакой-свиньей. Пару дней не слышала, не видела. Укатали. И слава Богу. Тише будет.

***

Я сидела на табурете на маленькой кухне и раскачивалась из стороны в сторону, пока она говорила.

– Они к ней начали ходить сразу после того, как нам сообщили о твоей смерти. Света как не в себе была. Она не выходила из квартиры и ни с кем не разговаривала. Они ей обещали похороны за их счет устроить и устроили. Пышные, с венками, поминками в ресторане... – снова на меня смотрит и крестится, – потом слегла Света. Врачей какой-то мужик к ней водил. Ухоженный, одетый с иголки. На иномарке приезжал. А ей все хуже и хуже. С постели не встает. Я пару раз заходила, а она дверь откроет и на кухню идет, с фотографией твоей сядет и сидит, смотрит. Не верю, говорит, что моя девочка умерла. Не верю им и все тут. Пару недель еще к ней ходили-бродили, пакеты с едой носили. Я даже как-то рада была, что есть кому присмотреть... Эх, если б знала... а потом я так и не поняла, как все произошло. Скорую привезли, полицию. Говорят, газ забыла выключить и... задохнулась. Квартиру на того хмыря прилизанного записала... А через время этот бугай жирный со своей свиристелкой въехал. Вот... так. Хоронили всем подъездом. Денег собрали, кто сколько смог и... похоронили. Царствие небесное Владимировне. Какая хорошая женщина была. Хлыщ тот пропал... чтоб его, суку, черти в аду изжарили, пададь проклятую. Ну сама понимаешь, по-скромному похоронили, как смогли...

Нет, я ничего не понимала. Меня шатало из стороны в сторону. Я смотрела перед собой и ничего не видела. Только губы шептали «Как же так, мамочка Светочка, как же так?»...

– Не верю я, что она газ сама оставила. Это они ее. Как дарственную выпарапали, так от нее и избавились. Как только узнали эти сволочи, что одинокая она. То ли кто из тех... телевизионщиков им кто-то сказал или навел.

Я почти ее не слышала, как в тумане все, как в каком-то мареве. И поверить не могу, хочется к двери броситься, закричать, царапать ее ногтями, орать, как бешеная. Неправда это. Жива мама Света. Я сейчас еще раз в дверь позвоню, она откроет, и все окажется просто кошмаром.

– Ты на... – подвинула ко мне рюмку. Выпей наливочку. Легче станет.

В дверь позвонили, и баба Марфа встрепелась.

– Кого это принесло? Поздно уже.

А я с табурета вскочила и к окну, шторку слегка отодвинула и тут же отпрянула назад. Внизу черные три машины. Бросилась к бабе Марфе.

– Это меня ищут. Умоляю. Вы меня не видели. Не слышали. Я денег дам. Много дам. Только не выдавайте.

Затаилась за дверью кухонной, губы закусила до крови. Глаза от слез раздирает, дышать нечем.

– Нет, не видела такую. Она ж умерла. На самолете разбилась после свадьбы сразу. Бог с вами? Вы новостей не смотрите! Дык давно уже. Красавица, умница... эх, как так. Бог к себе, видать, самых лучших забирает.

Она еще что-то говорила, а я перед собой смотрю и чувствую, как слезы по щекам катятся. А ведь меня не просто отпустили, меня подставили. Убить решили его руками. Знали, что искать будет, и, если найдет кто это сделал – изуродует. Меня сделали виноватой. Как будто сама сбежала. И мысли мечутся снова к маме Свете, и сердце от боли рвется, ноет, кричит. Нельзя так... нельзя!

Люди – твари. Люди уничтожают других людей за малое... безнаказанно, беспардонно. Ради квартиры, ради золота, денег, наследства. И такие, как я, такие ничего не могут сделать или доказать... такие, как я, просто насекомые, расходный материал, массовка на празднике жизни.

Баба Марфа вернулась на кухню, а я смотрела перед собой и вдруг почувствовала, как внутри меня рождается другой человек, как он поднимается с колен, как наполняется яростью его сердце, как сводит скулы и во рту набирается солоноватый привкус.

Я должна вернуться к НЕМУ сама. Я должна сделать все, чтобы ОН принял меня обратно. Я больше не хочу быть Верочкой, не хочу быть дурочкой, жертвой, добычей, чьей-то разменной картой или ставкой в каких-то играх. Верочка не сможет найти тварей, которые убили маму Свету, и наказать... Верочка вообще ничего не может, потому что она умерла. А дважды не умирают. Если Тамерлан решит убить меня – значит так и было суждено, а если нет, то я больше никогда не стану жертвой.

***

Я шла босиком через лабиринт несколько часов. Не запомнила дорогу в прошлый раз, а в главные ворота если войду, кто знает, что меня ждет. Если враг внутри дома, если тот, кто «помог» мне бежать, здесь, то меня убьют, едва увидят... тем более если Хан отдал такой приказ. А он мог. Я даже в этом не сомневалась.

Я должна увидеть его самого. Прийти к нему. Посмотреть в глаза... и попытаться. Ведь я успела за это время понять его характер, успела узнать. Если приду сама, он может пощадить или сам же казнит на месте.

Он стоял на коленях у статуи, склонив голову, опираясь лбом о холодный мрамор. Я видела его фигуру издалека. Скрюченную, склоненную перед женщиной, протянувшей вперед тонкие руки. Эрдэнэ рассказывала мне, что в лабиринте есть памятник матери Хана, и что никто не имеет права к нему подходить или прикасаться.

Я делала каждый шаг уставшими босыми ногами и думала о том, что я иду навстречу самой смерти. Вот она – мрачная, черная сгорбилась и дрожит у монумента. Пока вдруг не обернулся ко мне, и я замерла. Вначале все тело сковал ужас. Сейчас закричит и отдаст приказ схватить меня. Но он медленно поднялся с колен. Такой бледный, осунувшийся, похудевший, с растрепанными волосами и небрежно заправленной в черные штаны мятой рубашкой. И мне вдруг стало больно за него. Такой одинокий, такой чужой для всех. Смотрит на меня, и я ощущаю, как его накрывает волной боли, вижу, как дрожит его большое и сильное тело, как блестят глаза. И понимаю, что соскучилась... и мне все равно, что теперь будет. Пусть убьет меня сам. Мне больше некуда идти. У меня никого нет, кроме него. Сделал шаг ко мне, затем еще один и еще, и я побежала навстречу, а когда он жадно сдвинул меня обеими руками и зарылся лицом в мои волосы, внутри все заныло, застонало, оживо. Я почувствовала, как он трясется, слышала, как стучат в лихорадке его зубы и как бешено колотится в груди его сердце.

Встретилась взглядом с черными глазами, наполненными всей адской тоской вселенной и чернотой самой мрачной бездны, и сказала то, что ощутила именно в этот момент...

– Я люблю тебя. Мне с тобой хорошо.

Уткнулась лбом ему в грудь, втянула мускусный запах пота, аромат пряностей и его крови, пропитавшейся через бинты и рубашку.

И ясно осознала в этот момент – я больше не Верочка. Я – Ангаахай Дугур-Намаева. И я сделаю все, чтобы ею остаться надолго, даже если мне придется вывернуться наизнанку.

– Если узнаю, что ты мне лжешь, Ангаахай, я раздеру голыми руками твою грудную клетку и сожру твое сердце. – прохрипел мне в волосы, а я сильнее прижалась к нему, и по мере того, как он все больше трясся, я переставала дрожать. И напрасно переставала. Мои круги ада только начинались.

Быть невестой дьявола ничто по сравнению с тем, что ждет жену дьявола.

Он разжал руки и, чуть пошатнувшись, отстранился назад, достал из кармана рацию и отчетливо произнес.

– Принеси мне в лабиринт лопату. Поострее, здесь земля сухая. Могилу буду копать.

И поднял на меня взгляд из-под свисающей на лоб челки, а я ощутила, как все мое тело обдало ледяным холодом ужаса.

Глава 2

Настоящая правда всегда неправдоподобна, знаете ли вы это? Чтобы сделать правду правдоподобнее, нужно непременно подмешать к ней лжи

Ф.М. Достоевский

Он копал яму молча, я тоже молчала. Смотрела, как напрягаются его огромные сильные руки, как бугрится мышцами под взмокшей рубашкой сильная спина. Момент, когда мне показалось, что я в безопасности в его объятиях, развеялся, как тонкая дымка, и следа не осталось. Что ж, значит такова моя участь, и в этот раз это мой выбор. Я повернулась к памятнику и посмотрела на тонкие черты лица женщины, на слезы в ее глазах, на скорбную складку в уголках рта. Она стоит на коленях, ссутулившись, с поникшими плечами и мокрыми волосами и тянет руки куда-то или к кому-то... к кому-то, кого любит всем сердцем. Подножие памятника увито мелкими дикими розами, острые шипы охраняют строение. Перевела взгляд на руки Хана – исцарапаны до крови, чтобы стать перед памятником на колени, ему нужно было развести в стороны кустарники. Я не раз видела эти царапины и никогда не знала, откуда они появились.

Что за страшную тайну скрывает этот мужчина, какое лютое зло произошло с ним и сделало его настолько жутким и диким, захватило всецело и наполнило густым, липким мраком? Мне казалось, эта тайна спрятана здесь, за гладкой мраморной женщиной, внутри нее. Он похоронил свою боль и приходит молиться ей так, чтоб никто не видел. И меня он тоже закопает прямо здесь... если не произойдет чуда. Но в чудеса я уже давно не верила.

Хан закончил копать и ловко выпрыгнул из глубокой ямы. Воткнул лопату в землю, смахнул пот со лба тыльной стороной ладони. Потом подошел ко мне тяжелой поступью. Остановился рядом и посмотрел мне в глаза.

– Как ты там сказала? Ты меня любишь?

Я кивнула, стараясь выдержать взгляд и не сломаться под ним, не дать раскрошить мою решимость выстоять до конца. Здесь и сейчас решится моя судьба. И я или стану по-настоящему ему женой, или умру. Третьего не дано.

– Не надо мне кивать. Говори. Я люблю тебя, Хан. Поэтому я вернулась.

И прищурил глаза, выжидая. Я больше не могла прочесть в его зрачках ровным счетом ничего. Ни боли, ни отчаяния, ни разочарования. Там стало непроницаемо темно и страшно. Вспомнился тот Хан, с красной розой за праздничным столом. Мрачный, огромный, как черный хищник.

– Я люблю тебя, Тамерлан. Поэтому я пришла к тебе. Я тебе верю.

Усмехнулся. И эта усмешка на доли секунд преобразила его лицо.

– Красиво... очень красиво. Каждое твое слово такое же красивое, как и ты сама.

Провел пальцами по моим волосам, по скулам, по шее и вдруг со всей силы толкнул в грудь, и я пошатнувшись полетела на дно ямы. Приземлилась на живот пластом прямо в грязь. Сердце зашло от ужаса. Ну вот и все. Это конец.

– Только я давно не верю красивым словам, и поэтому мы поиграем в детектор лжи. Если солжешь – я закопаю тебя здесь живьем.

По всему моему телу прошла дрожь, и я с трудом поднялась на дрожащие ноги, оглядываясь и с замиранием сердца глядя на слои земли, окружающие меня со всех сторон. Даже не знаю, что страшнее – лежать в гробу или вот так видеть черноту и грязь, под которой ты задохнешься.

– Я закапываю – ты рассказываешь. Если я поверю – я остановлюсь, а если нет, то покойся с миром, Ангаахай.

– Что рассказывать? – в отчаянии спросила я.

– Расскажи мне обо всем. О себе, о том, за что любишь такого психопата, как я, почему сбежала, с кем, какого хера вернулась. Просто говори. Давай. Время пошло.

Он стал сверху вместе с лопатой и бросил первую порцию земли мне под ноги. Вот и настал конец всему, и это не плохо. Это просто очередной конец, и, возможно, теперь я стану свободной, я обрету покой, я воссоединюсь с людьми, которые меня любят.

Я посмотрела на комья, упавшие на мои голые пальцы, и начала говорить. Не с ним. Нет. Я говорила с мамой Светой. Говорила так, как если бы она была передо мной, и я могла бы рассказать ей обо всем, что случилось. Первое время я все еще чувствовала, как земля падает мне в ноги, видела, как заполняется яма, а потом это перестало иметь значение. Я рассказывала ей обо всем. День за днем в его доме, минута за минутой. Рассказывала о ненависти, о боли, об ужасе. Об Эрдэнэ, о слугах, о своих кошмарах и о том, как мечтала сбежать и даже желала ему смерти. Пусть меня за это похоронят живьем, пусть закопает меня здесь, но я не солгу. Пусть это станет моей последней исповедью.

– Не знаю, в какой момент все изменилось. Его взгляд стал другим. Я начала чувствовать, как мне его не хватает. Как хочется ощутить его запах и успокоиться, ощутить звук дыхания, сильные ладони на своей спине. Мне с ним не страшно. Мне кажется, он может спрятать меня даже от камнепада или обрушиться этим камнепадом на мою голову. Я бы хотела... хотела стать для него больше, чем никем. Хотела бы, чтобы он пусть даже не любил... но уважал меня и был чуточку привязан ко мне, а я бы могла дарить ему нежность. Когда он прикасается ко мне... когда гладит мои волосы, трогает мое лицо, тело, я чувствую себя цветком, раскрывающим свои лепестки под ласковыми пальцами хозяина. Ни с кем и никогда мне не было так хорошо. Он совсем другой внутри. Не такой, как кажется. Иногда я смотрю на него, и мне кажется, он весь покрыт толстой коркой, наращенной годами. А под ней свежее мясо, под ней глубокие раны, и стоит только подцепить эту корку и... Поэтому нельзя прикасаться, поэтому каждый, кто приближается, может умереть. Но я бы не смогла причинить ему боль. Я вернулась, потому что это был мой выбор. Вернулась, чтобы посмотреть ему в глаза и покорно принять свою судьбу. И если моя судьба не рядом с ним, то пусть я умру от его рук и на его глазах. Не прячась, не убегая. Пусть он знает, где закопал меня именно он, а не кто-то...кто-то в безымянной могиле и неизвестно где. Если бы ты была жива, мамочка... я бы много рассказала тебе о нем. Если бы они не убили тебя, если бы я не осталась одна. У меня теперь совсем никого нет, и мне не страшно. Я принадлежу ему, и пусть он решает – жить мне или умирать.

Я говорила, глядя с закрытыми глазами, чувствуя, как пробирает до костей холод, как слезы текут по щекам и как становится безразлично – падает ли земля в яму. Разве это имеет значение, если я ему не нужна, и он не верит мне.

А потом ощутила горячее дыхание на своем лице, услышала, как оно вырывается со свистом из его легких, как жжет мою кожу. Спустился свернуть мне шею перед тем, как продолжить? Чтоб замолчала?

– У тебя есть я.

Пальцы жадно впились в мои волосы на затылке, и я медленно распахнула глаза, и тут же мой взгляд схлестнулся с его горящим взглядом.

– И ты правильно сказала – ты принадлежишь мне. Я решу, когда тебе умирать. Пока что твоя жизнь на волоске. Одной ногой в могиле... пока я не буду уверен окончательно, что ты мне не лжешь.

Потом притянул меня к себе, крепко сжимая одной рукой за поясницу, а второй за волосы на затылке.

– А может быть, ты вернулась зря и еще сильно об этом пожалеешь.

Провел пальцами по моей щеке, размазывая слезы.

– Ты красивая, даже когда плачешь. Пока что я не хочу тебя убивать... пока что я проверю каждое твое слово.

Облизал свои пальцы, и его взгляд смягчился, подернулся дымкой, а у меня в ответ сердце забилося чуть быстрее.

Затрещала рация на поясе у Хана, и он выхватил ее одной рукой, другой все еще удерживая меня за затылок.

– Хан, рудники сгорели дотла. Батыр зовет к себе немедленно. Кто-то объявил войну Дугур-Намаевым. Все работники были заперты внутри и сгорели живьем.

– Мне какое дело? Его рудники, пусть он сам и расхлебывает. Его война – не моя война. А сам продолжает смотреть мне в глаза.

– Я занят.

Отключил рацию и сунул обратно за пояс, а я перехватила его руку.

– Ты – Дугур-Намаев.

– Я знаю, – в мгновение взгляд стал жестким и отталкивающим.

– Мне...мне кажется, это и твоя война тоже.

– Что? – не веря своим ушам наклонился ко мне. – Что ты сказала?

– Что...что война и твоя тоже. Ведь это твоя семья.

Сильная ладонь резко легла мне на челюсть и болезненно сдавила, так, что я вынужденно приоткрыла рот.

– Никогда не лезь туда, куда не просят. Никогда не говори мне, что делать. Поняла? Твои обязанности – ноги раздвигать и поддакивать. А этой гребаной семье я никогда не был нужен. Но и это не твое дело!

– Они твоя семья, – упрямо сказала я, морщась от боли, – если тебя зовут, значит ты им нужен. Гордыня и тщеславие – самые любимые дьяволом пороки.

Оскалился, наклоняясь ко мне, но я смотрела ему в глаза и не отводила взгляд.

– Не лезь! Я с тобой закончу позже!

Выбрался из ямы и легко поднял меня на поверхность. Снова воткнул лопату в землю и быстрой поступью пошел в сторону дома. Я помедлила несколько секунд и пошла следом за ним.

Хан уехал, едва я вернулась в дом, я видела, как отъезжала от ворот его машина. Это было странное ощущение, и я бы никогда не поверила себе, что испытаю подобные чувства, вернувшись в этот дом, но я была рада видеть его мрачные темные стены и зарешеченные окна, увитые диким виноградом. Как будто вернулась к старому и доброму другу. Как все меняется со сменой восприятия, а ведь когда я мечтала сбежать, я убегала от врага, и этот дом был вражеской территорией. Проклятой тюрьмой, мрачным и грозным чудовищем, удерживающим меня внутри своей голодной утробы.

Слуги молча мне кланялись, несмотря на то что я вошла в грязном платье и оставила следы грязных ног на полу. Я ожидала иного, ожидала, что меня схватят, где-то запрут или вышвырнут вон, но этого не произошло, и я беспрепятственно прошла в свою комнату... в нашу комнату. Остановилась на пороге, глядя на царивший в ней хаос – все разбито, раскрошено, разнесено в хлам, разодрано даже постельное белье и разбиты окна. Сквозняк гуляет по полу, подхватывает пух с перины, таскает ключья изорванной ткани.

И я словно наяву увидела, как он разносит и крушит все вокруг себя, рвет простыни и потрошит подушки. И нет, я не ужаснулась, я отчего-то вся сжалась от понимания, какую боль ему причинила. Прошла босыми ногами к окну, переступая битые стекла. Я бродила по комнате, подбирая разбросанные вещи, перебирая их и глядя на капли крови на полу и на кусках белого шелка. Он изрезал руки, когда ломал это пристанище, нашу с ним обитель. И

никто не посмел сюда войти, чтобы навести порядок. А я посмела. Мой страх остался в той могиле, которую он мне выкопал и в которую столкнул все то, что когда-то было Верочкой. Чего мне еще бояться? Прошлого больше нет. Мамы Светы нет... она была единственной, для кого я могла все еще оставаться Верой.

– Я удивлена, как он не сжег весь дом.

Обернулась и увидела Зимбагу, стоящую на пороге комнаты. Она сложила руки впереди себя и смотрела на меня с каким-то восторгом.

– Зверь был на грани сумасшествия. Выл и ревел в своей берлоге. Сдыхал от тоски. Но ты вернулась, и он ожил.

– Он хотел закопать меня живьем.

– И сам бы там окошел. Ты жива, и ты в этом доме, а значит, никто тебя не тронет. Своим возвращением ты выбила козыри у своих врагов – ты обескровила их и взяла реванш. Я горжусь тобой, маленькая птичка.

– Но... он сказал, что я одной ногой в могиле и ...

– Рядом с таким человеком, как Хан, все мы одной ногой в могиле. Но ты сделала свой выбор, когда вернулась сюда. Преврати могилу в ложе любви.

– Как? Если он мне не верит. Мы вернулись туда, откуда начали.

– Если ты достойна быть женой Хана, ты вернешь его доверие, а если нет, то... я могу лишь искренне посочувствовать тебе и сказать, что лучше бы ты не возвращалась.

Всё чаще дыша, я смотрела на нее. Чувствуя злость и что-то еще, едва поддающееся определению. Он тоже сказал, что я могу пожалеть, что вернулась. Зимбага усмехнулась, как бы смягчая сказанное ею, но ее глаза остались такими же пронизывающе пытливыми. Возможно, она мне тоже не доверяла. Преданная ему, как собака, эта женщина в любую секунду из моего друга могла стать моим врагом. И это было последнее, чего бы я сейчас хотела.

– Здесь творится дикий ужас. Ты не могла бы... не могла бы спросить у НЕГО, можно ли убрать?

Она отрицательно качнула головой, и я сжала руки в кулаки от разочарования.

– Я? Нет. Это сделаешь ты. Ты – хозяйка этого дома, и все они об этом знают. Научись отдавать приказы. Даже мне.

Это был вызов. Вызов Верочке. Настолько сильный, что от волнения у нее дух перехватило. Она никогда не отдавала приказов. Все отдавали приказы ей, и она слушалась. Верочка всегда была хорошей и правильной девочкой.

Женщина выжидающе смотрела на меня, а я кусала щеки изнутри, а потом решительно распахнула настежь двери и посмотрела на Зимбагу, она ободряюще кивнула мне. Я громко позвала слуг. Когда передо мной выстроились в шеренгу молчаливые истуканы и склонили спины и головы, я впервые в жизни приказала навести порядок в комнате, и по моему телу проходили волны дрожи, когда, молча кланяясь, они беспрекословно выполняли мои указания.

Пусть он вернется, и наша спальня будет такой же красивой, как и всегда, а я буду ждать его в ней... и все станет как прежде.

***

Эта ночь была для меня бесконечной и бессонной. Я вертелась на постели, вскакивала, прислушиваясь к шагам. Морально готовилась к тому, что все вернется назад, откатом. Что он ворвется ко мне и жестоко возьмет, отомстит за свою боль, и я готовилась к страданиям, готовилась принять его ярость и наказание. Даже вела мысленный диалог с ним, думала, как стану себя вести... удастся ли мне усмирить его, а если нет, то как потом смириться и как опять стать прежней? Суметь пережить... особенно после того, как познала не боль, а наслаждение. Но Хан не вернулся ночью. Приехал только под утро, в спальню не пришел. Наверняка остался спать в другой комнате, примыкающей к кабинету, а утром снова уехал. И скорее всего, это ужасный знак... настолько не доверяет и ненавидит меня, что даже видеть не захотел.

Смотрела вслед поднявшейся на подъездной дороге пыли и чувствовала, как меня окутывает разочарованием и вернувшимся страхом... страхом, что ничего не получится. Никакой хозяйки дома из меня не выйдет. Как была никем, так никем и останусь. Что я себе слишком льщу, и этому человеку наплевать на меня. Он просто злился, что его обвели вокруг пальца, а не тосковал по мне. Зимбага дает глупые и ложные надежды. Уже завтра Хан может узнать что-то такое, что заставит его поверить кому-то другому, а не мне, и та могила в лабиринте станет настоящей. Нет никаких козырей, лишь временно отсроченный приговор.

Мне вдруг невыносимо захотелось спрятаться в объятиях мамы Светы, зарыться лицом в ее колени, забыть обо всем. Пусть этот кошмар окажется просто кошмаром. И она там, дома, живая ждет меня.

Я приняла душ. Пока вода падала горячими каплями мне в лицо, я захлебывалась слезами и била кулаками по кафелю, думая о маме Свете, думая о том, в какой боли и в каком одиночестве она умирала, и никто за нее не заступился, никто не пришел на ее могилу, никто за нее не молился. Ее убивали, а меня рядом не было. Какие-то вонючие мрази душили ее газом, она задыхалась, старенькая и беспомощная. Может быть, звала меня... Горячая вода стекала по моей спине, а я, открыв рот в немом крике, мысленно прощалась с ней, смотрела ей в глаза, в лицо, спрятанное за туманной дымкой. Так странно, когда близкого человека больше нет рядом, его образ становится похожим на чуть размытый снимок. Я бы многое сейчас отдала за то, чтобы увидеть ее живую. Но этого уже не случится никогда. И наш тот разговор в гостинице был последним. Если бы я знала об этом, я бы сказала, как сильно люблю ее и как я ей за все благодарна.

Когда вышла из душа, еще несколько минут смотрела на себя в зеркало, на свои припухшие губы и себе в глаза. Жалкая, заплаканная, испуганная, бесхребетная... Насекомое, ни на что не способное. Вечная жертва. Никто.

Потом изо всех сил ударила по собственному отражению и тихо прошипела, глядя, как трескается стекло.

– Тебя больше нет. А я сама докажу, что не виновата. Или... или сдохну. Значит, так мне и надо!

Зимбага высушила мои волосы, принесла мне одежду, пока она расчесывала и делала мне прическу, я смотрела на себя в строгом черном платье и тихо у нее спросила:

– Охрана в доме и личная охрана моего мужа – это одни и те же люди или его охраняют другие парни?

– Нет. Одни и те же. Хан набирал коллектив сам, лично проверял каждого. Они работают посменно, и кто-то остается в доме, а кто-то сопровождает хозяина.

– Есть главный?

Посмотрела через зеркало на Зимбагу, и та удивленно приподняла бровь.

– Есть, конечно. Это Октай – человек, которому всецело доверяет Хан.

– Этому человеку мой муж дал распоряжение найти и закопать меня живьем?

– Скорее всего, да.

– Ты не могла бы привести его ко мне?

– Когда?

– Прямо сейчас.

***

Октай был невысокого роста, очень коренастый и широкий в плечах. Едва выше меня. Его глаза походили на две узкие прорези, а усы и борода скрывали квадратный подбородок и округлые щеки с широкими скулами. Похож на питбуля. Я вздрогнула, когда увидела его. Именно он тогда вышел из машины, и разыскивал меня в доме мамы Светы. Этому человеку всего лишь пару суток назад отдали приказ найти и убить меня. А сейчас он стоял напротив, сложив руки впереди и чуть склонив голову. На меня не смотрел. Я уже давно поняла – в глаза

и в лицо хозяину и господину они не смотрят – только в пол. Но он, наверняка, как и многие здесь, считает меня временным никем, кого можно в любую минуту закопать по приказу Хана.

– В тот день, когда я пропала, кто из твоих людей охранял меня и моего мужа?

Октай приподнял голову и посмотрел куда-то в сторону.

– Вас охраняли пять человек, госпожа.

– Я бы хотела увидеть их всех.

Голова вновь покорно опущена. Но я не верю этой покорности. Щелчок пальцами, и этот питбуль разорвет меня на части.

– Не все они сегодня на смене, госпожа.

– Позаботься, чтоб те, кого нет, немедленно приехали. Я хочу их всех видеть.

– Это может не понравиться хозяину, – тихо возразил Октай.

Да, скорее всего, не понравится, но мне уже нечего терять.

– Через сколько времени твои люди могут предстать передо мной?

– Через час.

– Хорошо. Пусть соберутся внизу и ждут меня.

Я найду того человека, который вывел меня на улицу и отдал похитителям. Я узнаю его по голосу... А если не найду, то мой конец будет лишь вопросом времени.

Глава 3

Выражаются иногда про "зверскую" жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток. Тигр просто грызет и рвет и только это и умеет. Ему бы и в голову не вошло бы прибивать людей за уши на ночь гвоздями, если б он даже и мог это сделать.

Ф.М Достоевский

«Вам нехорошо? Я выведу вас на свежий воздух». Они повторяли эту фразу один за другим, а я смотрела в их лица и понимала, что это не тот голос. ЕГО среди них нет. Выстроившись в шеренгу, с опущенными головами. Все как один молчаливые и покорные. И одна из таких «покорных» тварей отдала меня в руки врага. Без сожаления, пользуясь моей слабостью... как и те, кто воспользовались слабостью мамы Светы.

– Что здесь происходит? Что за цирк?

Обернулась, и дух захватило, когда увидела своего мужа. Стоит позади меня, как всегда подошел очень тихо, беззвучно и теперь смотрит так пристально, что от этого пронизывающего взгляда по телу бегут мурашки. Я нагло устроила допрос без него... и за этим может последовать что угодно. Если я все та же «никто», я дорого заплачу за эту выходку.

– Госпожа приказала собрать всех охранников, которые были с вами в день ее исчезновения на ринге, – поклонившись, сказал Октай, – и произнести «Вам нехорошо? Я выведу вас на свежий воздух».

Едва он произнес эту фразу, перед глазами мелькнуло опущенное лицо и учтиво протянутый локоть, предложенный, чтоб я на него облокотилась. Коренастая фигура, мощные плечи... Я узнала – это был он – ОКТАЙ! Начальник личной охраны Хана. Судорожно сглотнув, я обернулась к нему.

– Повтори еще раз!

– Что повторить? – взгляд метнулся от меня к хозяину, и на губах появилась дурацкая усмешка. Голову не опускает, потом спохватился и опустил. А меня начинает трясти мелкой дрожью.

– Повтори эту фразу. Скажи ее еще раз.

И дышать становится все труднее.

– Это глупости. Зачем мне ее произносить? Меня там не было, – снова метнул взгляд на Хана, руками нервно терев рукава, то сжимая, то разжимая кулаки.

– Произнеси! – скомандовал Хан. – Она приказала – выполняй!

– Но... меня там не было, ты же знаешь, господин, я в тот день...

– ПРОИЗНЕСИ! Пока я не заставил тебя это сделать!

– Бред какой-то. Ладно. Ладно, я скажу. «Вам нехорошо? Я выведу вас на свежий воздух».

Это был он. Тот самый голос. И этот человек. Я помню его лицо... пусть смутно, но помню. Оно всплыло у меня перед глазами. Зачёсанные назад волосы, выпуклая родинка возле левой брови.

– Он был там, – едва шевеля губами, сказала я и в нерешительности посмотрела на своего мужа, – я его слышала. Это он подошел ко мне и вывел на улицу. Этот человек...

– Ложь! Меня там не было! Ты приказал мне оставаться дома! Я бы не посмел послушаться. Я...

Хан кивнул на Октая.

– Взять его!

– Что? – Октай растерянно смотрел по сторонам. – Это же... это абсурд! Только потому что какая-то девка сказала? Какая-то твоя русская шлюха указала на меня пальцем? Ты веришь ей, а не мне? Твоему преданному псу?

При слове «русская шлюха» к моим щекам прилила кровь с такой силой, что они вспыхнули, как после пощечин. Хан резко вскинул голову, и его верхняя губа нервно задергалась. Он повернул голову к склонившимся безопасникам.

– Данзан! – один из охранников поднял голову и поклонился, дальше Хан говорил по-монгольски, и я практически ничего не понимала. Только видела, как смертельно побледнел Октай, как округлились его глаза и затрясся подбородок.

Его схватили под руки, а он качал головой и вопил что-то, вырывался, потом бросился в ноги к Хану. Схватил его за ботинки, за щиколотки, прижался к ним головой. Что-то шептал, о чем-то молил, но Хан его отшвырнул ударом в лицо на несколько метров. Тяжело дыша, я смотрела, как Октай поставили на колени. Тот, кого мой муж назвал Данзаном, кивнул второму мужчине, они схватили бывшего начальника за голову, и у того потекли слезы из глаз.

– Госпожаааа, – взмолился по-русски, – пощадите! Молю! Пощадите меня!

Я смотрела то на Хана, то на воющего на земле Октая.

– Тамерлан... может, не надо...

– Не уверена? Или точно слышала его голос? От тебя зависит – накажут его или нет.

– Как накажут? – тихо спросила у Хана, поймав его взгляд и чувствуя невыносимое волнение, как будто здесь и сейчас накажут меня.

– Ему отрежут язык за то, что смел назвать мою жену шлюхой, а затем отрубят голову за предательство.

Хладнокровно ответил мой муж. Я содрогнулась от ужаса и от того, каким спокойным голосом Тамерлан вынес Октаю приговор. Повернулась к мужчине, стоящему на коленях.

– Если признаешься, то тебя пощадят. Ты не умрешь. Я обещаю.

Краем глаза замечаю, как напрягся Хан, и чувствую, насколько напряжена сама, словно внутри все нервы натянуты струной.

– Да...да! Я выполнял приказ...

– Чей?

– Ваш, – Октай весь трясся, смотрел то на меня, то на Хана, молитвенно сложив руки, – вы прислали мне сообщение на сотовый – приехать срочно и следить за госпожой, а потом вывести ее к машине.

Хан нахмурился и шагнул к своему бывшему начальнику, схватил за шкуру.

– Что ты несешь? Когда я присылал такую смску?

– Когда были на ринге. Я точно говорю. Мне написали вы... с вашего сотового. Я вывел ее... вывел на улицу и посадил в машину. Так было написано...

– Бл*дь! – Хан замахнулся и наотмашь ударил Октая, тот снова отлетел назад и пополз прочь от своего палача. – Мне почему не сказал? Почему молчал? Почему, твою мать?!

– Когда понял, что не вы... я боялся... я... очень боялся.

Хан долго и витиевато выругался на своем языке и повернулся ко мне.

– Ты сама его накажешь. Он в твоей власти. Только помни – из-за него тебя могли закопать живьем. Как бы с ним поступила жена Тамерлана Дугур-Намаева?

Я смотрела, как Октай ползет ко мне, на четвереньках, склонив голову, как его пальцы впиваются в землю, как он скулит, и с уголка его рта стекает слюна. Омерзительная картина, когда от страха человек превращается в животное. Я склонилась к Октаю и тихо сказала.

– Я обещала, что ты будешь жить – я сдержу свое слово. Но больше я тебе ничего не обещала.

Я шла в сторону пристройки, пока он истошно кричал у меня за спиной. Шла и сжимала руки в кулаки, чтобы не обернуться, чтобы не передумать, чтобы не броситься к своему мужу

молить о пощаде для этого человека. Последнее, что он заорал мне в спину, прежде чем навсегда лишиться возможности говорить:

– Будь ты проклята, сука! Будь ты проклята! Когда-нибудь он тебя закопает! Это ненадолго! Ты здесь ненадолго!

Шумно выдохнула и ступила на первую ступеньку лестницы, решительно дернула на себя дверь, и когда охранник попытался преградить мне дорогу, я просто прошла мимо и увидела, как мне навстречу быстро едет малышка Эрдэнэ, едет с такой скоростью, что колеса разворачиваются в разные стороны, и у нее не получается ехать быстрее.

– Вера. Верочкааа. Моя Вера. Вернулась.

Обернулась к Хану, он смотрел на меня и на свою дочь, потом кивнул на окровавленного Октая, чтоб его унесли, а сам направился в сторону дома. Теперь мой муж знает, что я не виновата, но что от этого изменилось и изменится ли?

– Верааа. Ты вернулась. Вернулааась. Мне сказали – ты сбежала, сказали – никогда не придешь. А я ждала. Я все время тебя ждала.

И заплакав, обняла меня за ноги, прижимаясь мокрым личиком к моим бедрам. Тамерлан больше не обернулся, тяжелой поступью он шел к дому, а уже через несколько минут уехал.

***

– Эрдэнэ отказывалась есть. Все это время, пока тебя не было – она не ела.

Зимбага провела расческой по моим волосам.

– Он купил ей кучу игрушек, все было вышвырнуто в окно. Она требовала вернуть тебя обратно.

Пока женщина говорила, я видела перед глазами треугольное личико Эрдэнэ, залитое слезами, и мое сердце сжималось от жалости. Все будет по-другому. Она больше не заплачет от одиночества. Я рядом. Я вернулась и больше никогда не уйду.

Посмотрела на Зимбагу и кокетливо поправила лямку белого нижнего белья. Я еще ни разу его не надела с тех пор, как Хан выбрал его для меня несколько недель назад. Оно казалось мне слишком развратным, слишком прозрачным и вызывающим. Вера не такая. Вера скромная девочка, и она не умеет соблазнять мужчин. Но я больше не она... я буду другой, стану другой для него.

– Как ты думаешь, ему понравится кружево?

Женщина перевела взгляд на мои плечи, на едва прикрытую тоненькой паутинкой грудь, бурно вздымающуюся от волнения и предвкушения наступления вечера.

– Хан знает, что я не виновата и... и теперь все будет иначе. Теперь все должно вернуться... правда?

С надеждой посмотрела на Зимбагу, но та как раз складывала расческу в ящик комода.

– Ты вся ему нравишься, что бы ты не надела. – не глядя на меня, сказала она, а потом все же ободряюще улыбнулась мне через зеркало.

Я впервые готовилась к его приходу, впервые волновалась так, что перехватывало горло и дрожали колени, впервые ждала его и прислушивалась к каждому звуку снаружи. Не подъезжает ли его машина. Не слышны ли шаги на лестнице. Принимала разные позы на постели, то разбрасывая волосы по подушке, то собирая их на одну сторону, спуская лямку с плеча, оголяя ногу, то бедро, то кусочек груди. Что бы воспламенило его больше всего?

Не выдерживая, я нервно подбегала к окну, прижимаясь к нему пылающим лицом, всматриваясь вдаль. Пока не увидела пыль вдалеке и свет фар. А вот и он... возвращается домой. Ну и что, что так поздно. Плевать. Я дождалась, и сегодня мы начнем все сначала. Бросилась на постель, прикрылась покрывалом, закрыла глаза. Шли минуты, а шаги по лестнице не раздавались, где-то хлопнула дверь. Я лежала еще какое-то время, вслушиваясь в тишину, потом вскочила с постели, набросила халат и вышла из комнаты, спустилась босиком по лест-

нице, толкнула дверь кабинета и застыла на пороге – он валялся на диване и спал, запрокинув голову. Рубашка небрежно застегнута не на все пуговицы, волосы растрепаны, мощные, сильные пальцы свисающей с дивана руки касаются пола. Приблизилась на один шаг, потом еще на один, и ощутила, как сдавливает тисками бешено бьющееся сердце... и как хочется к нему прикоснуться.

Глава 4

Любовью все покупается, все спасается... Любовь такое бесценное сокровище, что на нее весь мир купить можешь, и не только свои, но и чужие грехи еще выкупишь.

Ф.М Достоевский

Сделала несколько маленьких шажков, ощущая легкие покалывания в кончиках пальцев и в ногах. Их буквально свело судорогой от едкого желания дотронуться до него, до его волос, колючей щеки, мощной кисти руки, ощутить эту тяжесть на своем теле. Спрятаться от всего за этим непробиваемым каменным человеком. Укутаться в его жар, в его неистовость и ощутить себя защищенной. Я все же сучала по нему. И даже не представляла, что так будет... Ведь я должна ненавидеть этого мужчину. Но вместо ненависти во мне бушуют совсем другие чувства. Они зародились там, в лабиринте, когда я увидела его, скрюченного у памятника. Они зародились, когда я увидела отчаяние в его глазах и поняла, что он страдал. Из-за меня.

От мысли об этом захотелось броситься к нему, сдавить руками, накинуться губами на его губы. Но подойдя ближе, вдруг уловила запах спиртного, довольно сильный, им пропитался воздух и смешивался еще с каким-то непонятным запахом... настораживающим и заставляющим сердце биться чаще, сильнее и больнее. Духи. Сладкий, навязчивый аромат духов. Он остался на его рубашке и в волосах. Когда я склонилась ниже, мне показалось, это смрад яда, и я сейчас задохнусь. Взгляд зацепился за красные следы на воротнике и на мочке уха. Помада.

Он...он был с другой женщиной. Вернулся от нее домой. Вот почему не ко мне, вот почему здесь на диване. Стало не просто больно, а невыносимо больно, как будто мне в сердце загнали раскаленные иглы и вбили их поглубже, так, чтоб зашлась, чтоб онемела от неожиданной пытки. Отшатнулась, но Хан вдруг резко схватил меня за руку и распахнул красные от алкоголя глаза, подернутые пьяной дымкой, злые, колючие. И мне показалось, что того Хана, который смотрел на меня мягко, с нежностью, никогда не было. Он мне приснился. Показался. Ничего не изменилось... А я наивная идиотка. Какое отчаяние я там разглядела? Мне просто сильно этого хотелось. А он... Тамерлан – похотливое животное. Пока я ждала его и страдала, изменял мне с какой-то девкой... эти ночи, которые я томила в нашей постели, он провел в ее кровати.

– Что такое? Передумала? – рыкнул и приподнялся на диване. Теперь запах алкоголя и вонючие женские духи отравили все вокруг, и мне казалось, я дышу серной кислотой.

– Передумала! – выдохнула ему в лицо и попыталась вырвать руку из его пальцев, но они сжались сильнее, сдавили до хруста мое запястье с такой силой, что казалось сломают. – От тебя воняет... другой женщиной.

Ухмыльнувшись, глядя на меня ослепевшим взглядом.

– Отличный нюх. Воняет, и что с того?

Он даже не отрицает, даже не думает скрывать. Каждым словом вгоняет эти иглы так глубоко, что у меня перехватывает горло.

– А... а как же я? – прозвучало отвратительно и жалобно, стало мерзко самой, и так хотелось бежать прочь или вцепиться ему в лицо. – Почему?

– Я не обязан отчитываться! – отшвырнул мою руку и сел на диване, опуская ноги вниз, издавая низкие стоны от каждого движения. Мертвецки пьян, так, что даже сидит неровно. Взялся за голову и поморщился. – Принеси мне виски из бара.

Встала во весь рост, задыхаясь от боли и обиды, чувствуя, как меня всю трясет, как слезы не просто душат, они разрывают мне грудную клетку. Еще никогда в жизни я не ощущала такого отчаянного разочарования, такого опустошающего, сводящего с ума удара в солнечное сплетение.

– Я не слуга. Пусть слуги несут.

Развернулась, чтобы уйти, но он сцапал меня лапищами и сдавил с такой силой, что потемнело перед глазами. Как только успел встать с догнать с такой скоростью. Глаза полыхают злостью, прожигают меня насквозь. Пьяный мрак, мрачный, способный на что угодно.

– Слуга, раба, будешь, кем я захочу, чтоб ты была. – опустил взгляд на мои губы и невольно облизнулся, потом посмотрел на вырез тонкого халата и расхохотался. Гадко, униЗИтельно, противно. Так, что мне захотелось его ударить.

– Пришла меня соблазнять, да? Пришла, чтоб тебя приласкали, погладили, полизали, подрочили пальцами, а потом нежненько натянули? – он говорил все это пошло, мерзко, так грубо и отвратительно, что меня тошнило, и я зажмурилась, чтоб не видеть в этот момент его лицо. Не хочу слышать... Он не может всего этого мне говорить.

– А я не хочу так. Мне надоело. Я драть хочу, до воплей, до синяков, по самые гланды в рот забивать, трахать в каждую дырку сильно и жестко. До боли. Чтоб не повизгивала, а орала в голос. До хрипоты. Мне так нравится, поняла? Нравится, мать твою! Можешь мне это дать? Свою боль и крики можешь? – смотрит мне в глаза, чуть пошатываясь. – Не можешь... ты лебедь... тебя так нельзя. Но пиз**ц, как хочется! До ломоты в костях хочется.... до... безумия... хочется...

Ярость резко сменяется несчастным выражением лица, поволокой в глазах и скорбными складками у рта. Гладит мою голову, нежно проводит по щеке, по ключице. Хочется сбросить его руку, но я не могу. Меня парализовало. Я хочу только одного: бежать от него как можно дальше.

– Ты хрупкая... сломаю и... и дышать не смогу. Понимаешь? Я сдохну... это больно... такдохнуть... – тыкается лбом в мой лоб. – Хрустальная лебедь, каждое перышко... ласкать, целовать... преклоняться.

И резко отталкивает к стене так, что чуть не упала. Смотрит исподлобья, качается, а мне хочется заорать от боли и обиды.

– А я еб***ся хочу! Поняла? Грязно, пошло совокупляться. Когда мне надо будет поиграться в нежность, я приду к тебе. А теперь пошла вон! И... и пусть мне принесут виски! Сейчас, б***дь!

Высочила за дверь, тяжело дыша, чувствуя, как слезы текут из глаз ручьями, застилая видимость, заставляя саму шататься, наткаться на стены, на перила, пока не заскочила к себе и не рухнула на пол, содрогаясь от рыданий. Не получится у меня не быть жертвой... он не даст. Никогда. Растопчет, раскрошит и сапогами по этим крошкам пройдет. Нет... я все же его ненавижу. Сильно, отчаянно ненавижу.

А перед глазами он, голый, совокупляется с женщиной без лица с длинными волосами. Она орет, крутит головой, а он дико и яростно ее имеет, рычит, воеет, мнет ее грудь до синяков и закатывает глаза от наслаждения.

Зарыдала в голос, хватаясь за свои волосы, стигбаясь пополам. Никогда не думала, что мысли о другой женщине с Ханом принесут мне такие адские страдания. Кто-то склонился надо мной, тронул мои волосы.

– Зверь не умеет любить по-человечески. Зверь любит больно, до крови. Так, что хрустят кости и рвется на части истерзанное сердце.

– Не любит...., – захлебываясь слезами, – не любит он... другая есть. Другаая женщина. С ней был...

Подняла голову и посмотрела на Зимбагу, почти не видя ее, не видя ничего перед собой.

– Жаль, что меня не нашли и не закопали живьем.... жаль. Я сбегу... пусть найдет и закопает.

– Дура! – она ударила меня по щеке, и я, всхлипывая, перестала рыдать, глядя на нее и чувствуя, как саднит в груди и хочется умереть прямо сейчас. – Ты думала, будет легко поймать

самого злого хищника и набросить на него ошейник? Всего лишь почесать за ушком, и он твой? Хочешь быть женщиной хищника, будь готова носить шрамы от его когтей и клыков. А не можешь – беги. Пусть тебя загонят, как овцу, и прирежут. Закопать – много чести.

Я стояла на коленях. Чувствуя, как печет щеку и... и понимая, что больше никогда никому не позволю себя ударить. Даже ей.

– Я... я не овца.

Поднялась с колен, все еще вздрагивая и глядя на женщину прямо ей в глаза.

– Вот и докажи, что ты не овца. Прежде всего себе. Наши мужчины полигамны. Хочешь стать единственной – замени ему всех других. А не можешь – терпи. Или...или оставайся овцой.

Развернулась и ушла, а я в ярости захлопнула за ней дверь, прислонилась к ней лбом и, сжав руки в кулаки, застонала, стараясь унять болезненное биение сердца. Я смогу... Все не будет зря... Я должна смочь. Но терпеть? Нет! Терпеть я никогда не буду!

Глава 5

С самой глубокой древности старики внушают молодым, что они умнее, – а к тому времени, как молодые начинают понимать, какая это чушь, они сами превращаются в стариков, и им выгодно поддерживать это заблуждение.

Сомерсет Моэм

– Ты обещал мне, что твой внук женится на моей дочери. Это было обговорено, когда она родилась. Ты не сдержал свое слово, Батыр. Твой внук опозорил мою дочь, прилюдно отказался от помолвки и женился на этой... – Арвай подбирал выражение, но не посмел произнести вслух оскорбительное слово, а Батыр выпрямился в своем кресле и прищурился, ожидая, насколько тот осмелеет. – А теперь предлагаешь объединить усилия против твоих врагов?

– Какое отношение к нашему бизнесу имеет несостоявшаяся свадьба моего внука с твоей дочерью? – чуть подался вперед, придерживаясь морщинистой рукой за край стола. – Мы говорим о золоте, о слитках, о прибыли в миллиарды. Мои рудники сгорели, их восстанавливают, и они заработают снова. Как ты понимаешь, презренный металл не горит. Это лишь вредительство и акт вандализма. Вызов. Начало войны. И я пока не знаю, кто настолько оборзел, что позволил себе такое... но обязательно узнаю. Ты должен выполнить три заказа. Они не терпят отлагательств, взамен я щедро вознагражу тебя.

Арвай нервно отбивал ритм по столу, и его челюсти от напряжения были сжаты настолько, что казалось, желваки прорвут кожу. И чем дольше он молчал, тем мрачнее становилось лицо старика Дугур-Намаева.

– Я сейчас не могу выполнить заказы, Батыр. У меня нет запасов. Все в работе. Я бы рад помочь, но...

– Хватит! – Скорпион ударил по столу и тот вздрогнул. – Пошел вон!

– Что?

– Вон пошел отсюда!

– Ты...ты смеешь меня гнать? Как собаку? – глаза Арвая налились кровью, и лицо пошло красными пятнами.

– Ты и есть собака. Жалкая, трусливая псина. Вон с глаз моих!

– Ты об этом пожалеешь! Мой род такой же древний, как и твой! Мое состояние не многим меньше и...

– Я сказал, пошел отсюда вон. И я уже пожалел, что считал другом трусливого шакала.

– У тебя скоро не останется друзей! Не останется никого! Ты сдохнешь в одиночестве! Тебе даже стакан воды никто не подаст! – Арвай приблизился вплотную к старику, склонился над ним. – Вся твоя родня – это волчья стая, готовая разорвать друг друга за крошку золота. Когда ты сдохнешь, они поубивают друг друга и твою империю распродадут с молотка.

Старик резко схватил Арвая за галстук и сильным движением затянул петлю так, что лицо бывшего друга побагровело.

– Прежде чем я сдохну – я узнаю, с кем ты спелся за моей спиной, а потом сниму живьем шкуру с тебя и с каждого, кто тебе дорог. А теперь пошел на хер отсюда!

Разжал пальцы, и Арвай, задыхаясь, тут же отпрянул назад.

– Ты сначала доживи! – прошипел он и быстрым шагом, кашляя, поперхиваясь, пошел в сторону парковки.

Стервятники. Чувствуют, что появился сильный враг, бросивший вызов, и затаились, выжидая. А вдруг Золотого Скорпиона завалят, и кому-то удастся ухватить самый жирный кусок пирога, когда начнется дележка.

Батыр достал из кармана коробочку с лекарствами, вытряхнул несколько таблеток на ладонь и закинул в рот, запил водой, глядя вслед Арваю. Этот пес принесет еще немало непри-

ятностей. Глаз да глаз за ним. Вполне возможно, что кто-то попросил его не помогать Скорпиону.

– Что такое, дед? Крысы валят с тонущего корабля?

Не оборачиваясь, поставил стакан на стол и ухмыльнулся. Пришел-таки. Чертов сукин сын. Упрямый и наглый ублюдок, посмевавшийся отказаться прийти на семейный совет, соизволил явиться.

– Корабль не потонет. Это лишь маленькая пробоина, которую надо залатать. А крысы на то и крысы, чтобы вечно куда-то бежать.

Тамерлан обошел деда и стал напротив, заслоняя собой солнце, впервые показавшееся на небе за эти дни. Батыр отметил, что внук немного похудел и лицо чуть осунулось. На костяшках пальцев едва засохшие корки и порезы.

– Супружеская жизнь не сахар, да, внучок? Вот женился бы на дочери этого Крысиного Короля и, может быть, не сбивал бы руки о стены. Жаргал бы точно от тебя не сбежала.

Посмотрел внуку в глаза, но укол не достиг цели. Взгляд Тамерлана не изменился.

– Твои информаторы плохо работают. Моя жена не сбежала. Ее выкрали, и она уже давно вернулась обратно.

Густые седые брови Батыра поползли вверх, а длинные, толстые усы чуть дрогнули.

– Буду гнать в шею поганцев. Зря только деньги сосут. Ты присаживайся. В ногах правды нет.

– Ничего, я постою. Мне нравится смотреть на тебя сверху вниз.

– Польсти себе хотя бы так. Но я сижу на троне, а ты стоишь в луже собственного дерьма.

Все же разозлился. Не мог не разозлиться. Внуку всегда удавалось вывести из равновесия такого спокойного и рассудительного Дугур-Намаева старшего.

– Лучше стоять в собственной луже дерьма, чем смотреть, как тонет твой корабль.

– Он не тонет! – Батыр ударил кулаком по столу, а Тамерлан усмехнулся и все же сел на стул.

– Кто-то очень сильно этого хочет. Кому ты так насолил, дед? Впрочем, вопрос риторический. Гораздо легче найти тех, кому нет.

– Зачем пришел?

– Соскучился. Хотел справиться о твоём здоровье.

– Не сдох, как ты и пророчил, еще поживу. – потом налил себе еще воды в стакан. – Если я не выполню три последних заказа на поставки золота, моя репутация даст трещину, и я потеряю партнеров с востока. Сроки горят. Крысиный Король отказался помочь.

– Я знаю.

Их взгляды встретились, и брови старика перестали хмуриться.

– Имя и репутация Дугур-Намаевых будут запятнаны.

– Заказы будут выполнены в срок.

– Как?

– У меня есть свои шахты, и они работают.

Губы Хана растянулись в довольной ухмылочке и обнажили белоснежные зубы. Он с наслаждением смотрел, как вытянулось от удивления лицо деда.

– Ах ты ж... сукин сын. Твою ж... – и расхохотался, поднимая указательный палец и тыкая им в грудь внука, – стервец. Как? Откуда шахты?

– Купил. На чужое имя. Надо ж было составить тебе конкуренцию. Я был бы не я, если б не попробовал.

– И что за имя?

– А ты подумай, дед. Догадайся.

Старик откинулся на спинку своего кресла и покрутил белый костяной набалдашник трости.

– Нееет. Не может быть. Золотой Тигр – это ты? Новый поставщик, пока еще мелкий, но такой пронырливый... я собирался его подмять под себя в ближайшее время. Это, и правда, ты?

Тамерлан приподнял брови, косо усмехнулся и выпил быстрыми глотками всю воду из графина.

– Ах ты ж, мать твою, сукин же ты сын.

– Я тебя не догнал и догоню не скоро... но, если бы ты сейчас пошел ко дну, мои рейтинги бы хорошо поднялись.

– Когда ты успел выкупить рудники, принадлежавшие твоему отцу?

– Когда ты решил, что они больше не принесут прибыли. Точнее, когда я заставил тебя так решить.

Улыбка пропала с лица деда, а Тамерлан продолжал улыбаться.

– Да, грязные игры. Не ты ли меня им учил.

– Ублюдок. Так бы и сломал тебе все пальцы.

– Сроки выполнения заказа, дед?

– Вечером получишь все координаты. Я хочу, чтобы ты, твоя жена и моя правнучка в эту субботу пришли ко мне на званый ужин.

– Твой день рождения? Ты ведешь обратный отсчет до старта в Ад?

– Я просто живу в свое удовольствие. И пусть все знают, что Дугур-Намаевы снова вместе.

– Кто сжег рудники?

– Пока что неизвестно. Но тот, кто это сделал, скоро даст о себе знать.

Потом резко схватил Тамерлана за руку.

– Завещание все еще в силе, сынок... все еще в силе. Дай мне правнука и вступи в права наследством. Я хочу, чтоб это было твоим.

Тамерлан резко сбросил руку деда и отпрянул назад. Его лицо стало непроницаемой маской.

– Никаких правнуков не будет. Одной достаточно. И это ты виноват в том, что на мне мой род и прекратится!

– Генетика – это всего лишь процент, случай, единицы в математической матрице!

– Эти единицы искалечили мою дочь, и она никогда не встанет на ноги. Ее всегда будут называть уродом. И эти уроды рождаются от меня! Пришли мне все по заказам, дед. Насчет вечера, не знаю. У меня другие планы на выходные.

И пошел прочь. А дед смотрел ему вслед с гордостью, восхищением и гневом. Потом повернулся к стоящему за его спиной помощнику.

– Прикажи купить приглашение, подпиши и отправь его жене моего внука. Хочу посмотреть... кто она для него, эта русская.

***

Я не знаю, когда было хуже. До или после моего возвращения. Я словно вернулась в ад, но теперь он был вывернут наизнанку, и если раньше я страдала от чрезмерного внимания и страха, что меня разорвут на части, то сейчас мне казалось, я нахожусь в глухой изоляции, в тюрьме из игнора. И почему так происходит, понять не могу. Я же доказала, что не виновна. Он понял это, я знаю, что понял, иначе не наказал бы моими руками своего охранника, тогда что стоит между нами? Почему он настолько отдалился? Почему ведет себя так, словно меня не существует? Раньше мы ели вместе, раньше он всегда находился рядом, преследовал меня, душил собой, наполнял все пространство своим присутствием, а теперь его нет.

Я его вижу, чувствую, слышу, но его нет для меня. Меня больше не запирают в доме, я не ограничена ни в чем. Передвигаюсь по дому, знакоюсь с каждым его углом, с каждой норой

и щелью в этом огромном живом организме. Но каждый мой день напоминает день сурка. Всегда одно и то же. Неделя тишины. Его нет с самого раннего утра, он возвращается поздно вечером и спит в другой комнате. Я не слышу даже его голоса, за исключением редких случаев, когда отдает приказы слугам или безопасникам. Только в пять утра, едва занимается рассвет, он выходит на улицу, на очередную тренировку, и я могу видеть, как он сбрасывает футболку и становится в «стойку». Ничего не понимаю в восточных единоборствах, но внутри меня порхают бабочки, когда я вижу его в позе воина с мечом в руке или палкой, иногда нунчаками.

Его силуэт на фоне розовато-сиреневого неба кажется выточенным из бронзы. Огромный, сильный, мускулистый настолько, что я могу отследить блики восходящего солнца в рельефных выступах, на бугрящихся венах, вздувшихся от усилий, на плечах и груди. Сердце бьется быстрее, когда я вспоминаю, какие они наощупь эти вены, как скользят под моими пальцами и пульсируют под моими губами, и с удивлением ощущаю тягучую тоску внутри. Я соскучилась по нему. Я хочу ощутить его руки на своем теле. Я хочу ощутить всю эту мощь на себе, в себе. Смотреть на его сильные пальцы, орудующие мечом или сжимающие цепь, и чувствовать, как учащается дыхание, когда я вспоминаю, как эти пальцы толкались внутри моего тела или сжимали мои соски.

И каждый вечер, изнемогая, ждать его к себе, стоять у двери, прислушиваясь, и потом рыдать от разочарования в подушку. Нет, не придет... и сегодня снова не придет. И я уже схожу с ума от мыслей, что он предпочитает мне других женщин, ласкает их, целует, берет, накрывает своим огромным сильным телом и врывается в их плоть вздыбленным членом. Как ужасно стыдно... но я хотела трогать его орган. Только я! Хотела сдавливать его ладонями и ощутить, как он вдальбливается в меня. Я, наверное, стала развратной и грязной. Но...но это он разбудил во мне женщину. Он научил испытывать с ним удовольствие и теперь желать его испытать снова. Мне кажется, я согласна... согласна без нежности. Пусть только станет на шаг ближе ко мне.

Но Хан не давал мне этого шанса. Мы даже не разговаривали. Иногда, когда он видел меня утром, еще до того, как успел уехать, то скользил мимоletно взглядом, как скользят по предметам или мебели, и уезжал. А я бросалась к окну и смотрела ему вслед, чувствуя, как разочарование и отчаянная, бессильная ярость пожирают изнутри.

Все свободное время я провожу с Эрдэнэ. Нас швырнуло друг к другу с невероятной силой. Теперь я завтракала в ее пристройке, обедала с ней и даже иногда ужинала. К ней приходили учителя, и я нагло напросилась заниматься вместе. Мы заключили сделку – она учит меня монгольскому языку, а я учу ее музыке и хореографии. Мы называли это «танцевать руками». А еще она была очень гибкой и через несколько занятий села на шпагат и стала на «мостик». Научилась красиво взмахивать ручками, как самый настоящий лебедь.

– Я хочу быть, как ты. Я хочу делать все, что умеешь ты. – с восторгом говорила она, когда я пыталась уложить ее отдыхать. После чрезмерных тренировок она задыхалась и сильно потела.

– Ничего. Это ничего. У меня иногда бывает от усталости. Сейчас приму лекарство, и все пройдет. Это ерунда.

Нянька начинала причитать по-монгольски и махать руками на нас обеих. Я тут же прекращала тренировки, и мы отдыхали, распластавшись на ковре вдвоем. Голова к голове, взявшись за руки. У нее такие тоненькие ручки с сухой кожей и очень худые пальчики.

– Нужно было еще. Я недостаточно много тренируюсь. Настоящие балерины проводят у станка по много часов. А я... что мне дадут эти два часа в день?

– Все постепенно. Я ведь училась этому много лет, и ты научишься. У тебя вся жизнь впереди. Смотри, сколько всего ты уже выучила за это время.

– А если не вся? И я ничего не успею. Ты знаешь? Мне кажется, все это время я спала. Как спящая красавица. В черной норе глубоко под землей. А потом пришла ты, и я проснулась. Зачем нужны принцы, если есть красивые белые лебеди. Ты моя лебедь-фея, Вера.

– А ты моя маленькая спящая красавица.

– Безногая, уродливая бездарь и неудачница.

– Никогда так не говори о себе, Эрдэнэ. – наклонилась к ней и убрала непослушную черную прядь с матового личика. – Ты не безногая. Ты просто девочка. Красивая, умная, добрая. Разве наличие ног, рук определяет – какой человек?

Этим вечером мы лежали на ее кровати, она просила, чтоб я осталась с ней, пока не уснет, и перебирала ее волосы, как когда-то перебирала мои мама Света. По прядке прятать их за ушко, пока не уснет.

– Но у меня их нет. Ног. Ты понимаешь? Я не буду такой, как ты, как мои сверстники, как... кто-либо нормальный. Никто не полюбит меня такую. У меня не будет детей. На меня всегда будут смотреть косо. Даже мой отец не приходит ко мне, чтобы лишний раз не видеть, как я уродлива.

– Неправда. Он не приходит потому что... он занят, работает. Есть какие-то проблемы и...

– Не надо. Не ищи ему оправдания. Я тоже их искала. Но их нет. Есть правда – он не хочет меня видеть. И все. Человек либо делает что-то, либо нет. Время можно найти для всего, чего по-настоящему хочется.

Она отвернулась к стенке и больше ничего не сказала. И я гладила ее волосы, пока она не уснула. Потом вышла из пристройки и побрела в сторону дома. Взгляд невольно упал на вольтер. Как-то пусто стало без Киары. Я не была привязана к кошке, даже больше – я ее смертельно боялась... но мне казалось, что дом опустел. И силуэт Хана с огромной тигрицей, прогуливающегося по утрам и вечерам вдоль своих владений, теперь казался таким далеким и ностальгически прекрасным. Сейчас здесь было очень тихо.

– Можно завести собак, мой Господин. Они бы охраняли территорию не хуже тигрицы. Несколько доберманов, овчарок или ротвейлеров, специально обученных и...

– Киару никто не заменит. Зачем мне псы? У меня есть вы, и, если ваш нюх и интуиция недостаточно развиты для охраны, я вас уволю и заведу собак. Составь мне список – вместо кого из вас мне взять доберманов или ротвейлеров.

Больше этот вопрос, как я поняла, не обсуждался.

Я вернулась в комнату, уже собралась раздеваться и принять душ, когда в дверь постучали. На доли секунд сердце сжалось в надежде, что это Он... но тут же начало стучать ровно – нет, он бы не стучал. А открыл эту дверь своим ключом или вышиб ее к черту. За дверью стоял слуга, он почтительно опустил голову и протянул мне красивую открытку с блестками и белыми цветами. Развернула и застыла с ней в руках.

«Ангаахай, Вы приглашены на завтрак к Батыру Дугур-Намаеву. Завтра в 10:00 утра. В 9:00 за вами приедет машина».

Медленно закрыла приглашение и судорожно вздохнула. И что мне с этим делать? Рассказать Хану? Ведь он все равно узнает о моей поездке, и, учитывая его конфликт с дедом, ему это может сильно не понравиться. Я долго смотрела на открытку. Это приглашение в обход своего внука является своеобразным вызовом и мне, и ему. Слуга явно ожидал от меня ответа и молча, не шевелясь, смотрел в пол. Снова перевела взгляд на открытку. Мой муж... или хозяин, или кем сейчас является для меня Хан, предпочитает избегать встреч и общения со мной.

Может быть, я слишком тиха и покорна, а оттого незаметна? Может, он забыл о том, что я существую? Пусть ему не понравится то, что я делаю. Что меня ждет в худшем случае? Смерть?

Ну так я ее уже не боюсь. Если долго кому-то угрожать одним и тем же, острота восприятия меняется.

– Передайте господину Дугур-Намаеву, что я принимаю его приглашение.

В конце концов я называюсь женой Тамерлана, и он не запрещал мне общаться со своими родственниками... он вообще мне ничего не запрещает. И может, настало время запретить или наказать непокорную жену.

Глава 6

Каждый из нас одинок в этом мире. Каждый заключен в медной башне и может общаться со своими собратьями лишь через посредство знаков. Но знаки не одни для всех, а потому их смысл темен и неверен. Мы отчаянно стремимся поделиться с другими сокровищами нашего сердца, но они не знают, как принять их, и потому мы одиноко бредем по жизни, бок о бок со своими спутниками, но не заодно с ними, не понимая их и не понятые ими.

Сомерсет Моэм

Меня сопровождал пожилой мужчина в шелковом костюме с золотистой вышивкой. Я обратила внимание, что в этом доме весь обслуживающий персонал одет в униформу, соответствующую интерьеру дома. В прошлый раз я не осматривалась по сторонам. Я была слишком подавлена, испугана, и мне было все равно, где страдать. Для меня оба дома были просто клетками, в которых я испытывала мучения и ужас. Сейчас мне кажется это было давно... и даже не верится, что я могла настолько ненавидеть все, что касалось моего мужа.

Все изменилось настолько, что теперь мне безумно, до дрожи во всем теле интересен каждый мизерный факт из его биографии, каждый штрих и оттенок. Интересно все, что касается Тамерлана Дугур-Намаева, потому что я намерена стать частью его мира или умереть. Третьего не дано. Третье меня никогда не устроит. Я буду воевать за все, что может стать моим. И прежде всего за него самого.

Красивый дом. Огромный, напоминающий дворец, много вычурных завитушек в интерьере, много золотого цвета и блеска. Ощущение античности, запах старины и вековых традиций. Дом вне времени и пространства. На стенах великолепные картины сражений, охоты, пиршеств времен татаро-монгольского ханства. Старинное оружие начищено до блеска и сверкает бликами в струящемся из огромных окон дневном свете.

Я нервничала... внутри меня бурлил адреналин, как будто в моей крови бушевало торнадо из самых разных эмоций. Одна из них, конечно же, страх и некое возбуждение от собственной наглой смелости. Я иду в клешни самого скорпиона. В клешни страшного человека, пожалуй, единственного, кто пугал меня больше собственного мужа. Но если я струшу, мне никогда не подняться с колен. А я стоять на них больше не намерена.

Поднялась по сверкающей белизной лестнице с витыми золотыми перилами и, медленно выдохнув, вошла следом за слугой в огромную, просторную оранжерею под открытым небом. Точнее, с крышей из диковинных цветов, сплетенных между собой в живые узоры разного цвета. Старик сидел за круглым стеклянным столиком в плетеном кресле, его ноги прикрыты клетчатым пледом, а на плече сидит огромный черный ворон, и старик кормит его с ладони кусочками сырого мяса.

Едва я вошла, они вместе с птицей повернулись ко мне. По коже пошли мурашки, и я нервно сглотнула комок, застрявший в горле. Оказывается, я совершенно не готова к этой встрече, и пожилой мужчина с буйными седыми волосами и зорким взглядом черных глаз внушает мне мистический ужас, как и птица, сидящая на его плече.

– Смотри, Генрих, кто к нам пришел?

Захотелось развернуться и бежать прочь так быстро, чтоб в ушах свистело, но я решительно пошла вперед. Ни за что не покажу этому старику свой страх и слабость.

– Ангаахай? Или называть тебя как-то иначе? Внук придумал тебе имя, но у тебя имеется и твое настоящее... – акцент похож на акцент Тамерлана. И голоса у них тоже похожи.

– Нет, Ангаахай – мое настоящее имя.

Никаких эмоций в глазах Батыра, и ворон нервирует пристальным взглядом, чуть склонил голову и смотрит на меня так, как будто сейчас вспорхнет и выклюет мне глаза.

– Присаживайся. Завтрак будет с минуты на минуту. Сегодня ты выглядишь иначе... – осмотрел меня с ног до головы, заставив то бледнеть, то краснеть. Да, я тщательно готовилась к этой встрече и оделась скромно, не броско в светло-голубых тонах, волосы заплела в косу. Зимбага лично помогала мне выбрать наряд и прическу.

– Не думаю, что это будет иметь значение, если ты ему не понравишься, то не важно – во что будешь одета... а если понравишься... хотя это из разряда фантастики, то понравишься и в самых отвратительных тряпках. Но Батыру Дугур-Намаеву не нравится никто, кроме него самого и его обожяемого внука.

Я села напротив старика и покосилась на ворона, который спрыгнул с плеча хозяина на стол и, осторожно ступая по краешку, двигался в моем направлении.

– Это комплимент?

– Нет. Констатация факта.

Он и не думал быть со мной приветливым. Оказалось, что я на это рассчитывала... хотя бы даже в виде лицемерия, но я ошиблась. Вошел слуга с подносом. Начал расставлять перед нами чайник с ароматным чаем, чашки и нарезанные треугольниками кусочки жирного, слоеного пирога, украшенного вишнями. Мне услужливо налили чай и положили в блюде кусочек сладости. Я поблагодарила слугу и поднесла чай ко рту.

– Думаешь, я позвал тебя для милого семейного завтрака? Для меня ты дешевка – хоть в тех шлюховатых тряпках, что в этом наряде.

Едва коснулась губами ароматной жидкости, обожгла губы и не отпила.

– Сколько ты хочешь за то, чтобы исчезнуть навсегда из жизни моего внука?

Быстрый взгляд на морщинистое лицо, покрытое пигментными пятнами. Смотрит прямо в глаза так же плотоядно, как и его ворон. Нет, не похотливо, а именно плотоядно с желанием откусывать кусок мяса и сожрать. И мне вдруг приходит в голову, что это он сделал... он приказал похитить меня и обставить все так, будто я сбежала. Это он хотел от меня избавиться. Я резко поставила чашку на стол.

– Я не думала, что счастье вашего внука имеет цену.

Старик рассмеялся, а ворон приблизился ко мне еще ближе. И это напрягало, нервировало и давило. Я должна обороняться и ожидать подвох от них обоих.

– Девочка... ты реально считаешь, что принесешь Лану счастье? Ты? Убогое существо с помойки?

Втянула в легкие побольше воздуха, стараясь успокоиться и понимая, что старик намеренно выводит меня на эмоции.

– Не знаю. Не я его выбирала, а он меня. Говорят, вкус к прекрасному передаётся генетически.

Вздернула подбородок, а улыбка медленно сошла с тонких губ старика.

– Я предлагаю тебе столько денег, сколько захочешь. Столько золота, сколько унесешь. Новое имя, новую жизнь и гарантию, что он никогда тебя не найдет.

– Какая невиданная щедрость. – все же подула на свой чай, но передумала и поставила чашку на стол. – А с чего вы решили, что я в чем-то нуждаюсь? Ваш внук и так осыпает меня золотом и подарками. Я ведь жена самого Тамерлана Дугур-Намаева.

– Глупости. На тебе даже нет обручального кольца, и он венчался с тобой в каком-то вонючем подвале, лишь бы получить наследство. Таких, как ты, трахают и вышвыривают за ненужностью уже утром.

Я стиснула чашку обеими руками и краем глаза заметила, что ворон уже настолько близко... один взмах крыла, и он может впиться клювом в мою руку.

– Я задержалась, вам не кажется? – подняла взгляд на старика, а он невозмутимо закурил трубку и выпустил дым в мою сторону.

– Кажется. Ты задержалась. Тебе пора убраться и не мешать моему внуку, не портить его репутацию своим ничтожным происхождением. Такая не должна носить фамилию Дугур-Намаева.

Я сдвинула чашку так, что та треснула, и чай пролился на белую скатерть, а ворон, взмахнув крыльями, шарахнулся в сторону.

– Но я ее уже ношу, как бы вам это не претило. Мне не нужны ваши деньги и ваше золото. Оставьте их себе.

– Запомни, я предлагаю что-то один единственный раз. Это твой шанс убраться по-хорошему и остаться в живых.

– Я вас не боюсь!

Глядя прямо ему в глаза и не моргая. Слуга вытирает стол, промакивает скатерть, а я смотрю на мерзкого, наглого старика и понимаю, что наживаю себе лютого врага, который при первом же удобном случае сожрет меня вместе с потрохами.

– Это от глупости. Потому что не знаешь, кто я и на что способен.

– Вы способны только угрожать. Один раз у вас уже ничего не получилось...

– Я способен сделать так, что ты не выйдешь живой из этого дома! – наклонился ко мне и сдвинул осколок чашки сильными длинными пальцами, униженными перстнями. – Я раздавлю тебя, как букашку. Бери то, что предлагаю, и убирайся. Не лсти себе... ты временное недоразумение. Иначе мой внук не катался бы по притонам в поисках новой дырки. Он быстро найдет тебе замену. Таких убогих миллионы. Будь ты чем-то серьезным, он бы хотел от тебя детей... но от таких наши не рожают.

Словно ножом в сердце. По самому больному, в самый нарыв и до боли. Так, что перевернуло всю. Злорадно усмехнулся, понимая, что попал в цель.

– Я сам найду ему жену, достойную, породистую. Она подарит мне правнука. Уйди с дороги, малышка. Ты слишком слаба и ничтожна, чтобы противостоять мне. И будь ты умной, давно бы это поняла. Давай мирно решим этот вопрос... ты скажешь сколько. Я дам. И твоя жизнь превратится в сказку где-то очень далеко отсюда... или...или она превратится в ад прямо здесь и начиная с этого момента.

Резко встала с кресла. Ворон крикнул и взлетел вверх, а потом сел возле моей тарелки. Дед нарочно его держит здесь при мне, чтоб действовать мне на нервы. Давить еще сильнее.

– Я люблю вашего внука, и мне не нужны деньги или золото. Мне нужен он... и я не уйду. И чем скорее вы это поймете, тем лучше для вас. Я. Его. Люблю. Если вы вообще знаете, что это такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.